

- ⁵⁵ Народное движение в России в эпоху Смуты... С. 360; *Маиуафаров А.В.* Сретенский монастырь в документах XV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 60.
- ⁵⁶ *Забелин Н.Е.* Минин и Пожарский. «Прямые» и «кривые» в Смутное время. СПб., 2005. С. 225.
- ⁵⁷ *Борисов В.* Указ. соч. С. 243.
- ⁵⁸ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846. С. 308–309.
- ⁵⁹ *Антонов А.В.* К истории форм приказного делопроизводства конца XVI в. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 418–419.
- ⁶⁰ Там же. С. 418.
- ⁶¹ Уголовные законы царя и великого князя Иоанна IV Васильевича. СПб., 1841. С. 1.
- ⁶² Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612–1613 гг. // Источниковедение отечественной истории: Сборник статей. М., 1989. С. 240–267.
- ⁶³ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994 г.; РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 2.
- ⁶⁴ *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства... С. 679. Также о персонале Разбойного приказа в конце XVI – начале XVII вв. см.: *Рыбалко Н.В.* Российская бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 511, 524.
- ⁶⁵ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 359, 427.
- ⁶⁶ Законодательные акты... С. 34; Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 194; Описи архива Разрядного приказа... С. 493.

© 2012 г. А.И. КУПРИАНОВ*

ДВОРЯНСКИЕ ВЫБОРЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: ОТ СОСЛОВНОЙ КОРПОРАЦИИ К ИНСТИТУТУ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА?

Гражданское общество в дореволюционной России. Существование гражданского общества в императорской России является одним из наиболее дискуссионных вопросов современной историографии. Его актуальность определяется не только интересами историков, но и задачами постсоветской модернизации страны. Исследование истоков гражданского общества осложняется рядом проблем методологического характера. Среди них не последнее место занимает и отсутствие единого понимания термина «гражданское общество». В российском «Большом энциклопедическом словаре» оно характеризуется как «совокупность отношений в сфере экономики, культуры и других сферах, развивающихся в рамках демократического общества независимо, автономно от государства». Д. Коэн и Э. Арато, нередко признаваемые в научной литературе ведущими теоретиками изучения гражданского общества, также, на мой взгляд, излишне расширили его границы: «сфера социального взаимодействия между экономикой и государством, состоящая, главным образом, из сферы личной жизни (особенно семья), сферы ассоциаций (особенно добровольные общества), социальных движений и форм общественной коммуникации»¹. Справедливо отделив «гражданское общество» от «политического общества» и экономики, эти исследователи неоправданно включили в пространство гражданского общества личную (интимную) жизнь и семью. А.Н. Медушевский отметил, что, «положив в основу европейскую модель движения к гражданскому обществу, классическая теория оставляет вне рассмотре-

* **Куприянов Александр Иванович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Проект «Самоуправление и проблемы становления гражданского общества в России. 1785–1870 гг.».

ния особенности движения к нему в других регионах, где развитие гражданских прав может иметь (и имеет) специфику, связанную с традиционализмом этих обществ»². В этом контексте наиболее универсальным является определение, предложенное Ч. Тэйлором: «сеть (web) автономных ассоциаций, независимых от государства»³. Оно позволяет избежать расширительных трактовок предмета, но в то же время достаточно гибко, чтобы очертить его границы, учитывая не только реалии рубежа XX–XXI вв., но и предшествующий период. Дефиницию «гражданского общества» Тэйлора я и использую в своей статье.

Исследуя историю дворянских выборов, можно рассмотреть истоки формирования гражданского общества. В России этот процесс берет начало после 1762 г., когда дворянство освобождается от обязательной службы государству. Важной вехой в создании условий для данного процесса стали жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г., которые предоставили собраниям дворянства и городским обществам права юридического лица. Модернизированные органы местного самоуправления (городского и дворянского) стали пространством складывания гражданского самосознания, сферой гражданской деятельности и гражданской инициативы (пусть и в ограниченных масштабах).

М. Раев, анализируя культурные и социальные перемены того времени, выдвинул гипотезу о создании основ для возникновения гражданского общества в России во время правления Екатерины II. Он писал, что к 1820 г. этот процесс приобрел «необратимый» характер⁴. Б.Н. Миронов также полагает, что «о зарождении гражданского общества вместе с интеллигенцией и общественным мнением... можно говорить не ранее последней трети XVIII в.»⁵. Однако были ли дворянские уездные корпорации (т.е. узаконенные властью привилегированные сословные институты) в дореформенную эпоху «сложившимися элементами» гражданского общества, как именует их Миронов⁶? До санкционированного императором в конце 1850-х гг. обсуждения вопроса об отмене крепостного права их влияние на политику правительства было минимальным. Ранее дворянские общества могли обсуждать лишь местные «нужды и пользы». Такие ограничения делали невозможными дискуссии в дворянских собраниях по актуальным вопросам развития страны. Степень автономности дворянских обществ от государства была весьма относительной, что обуславливалось обширностью круга решаемых ими вопросов, многие из которых напрямую были связаны с интересами государства. Тут возникает фундаментальный методологический вопрос: возможно ли существование гражданского общества без демократии? Современные исследования доказали, что в ряде европейских стран институты гражданского общества сформировались до утверждения в них либерального демократического государства⁷. Во Франции и в Пруссии именно абсолютистское государство дало толчок к формированию институтов гражданского общества⁸. В России также правительство Екатерины II сформировало систему самоуправления, создало систему народного образования, санкционировало возникновение научных обществ и ассоциаций – неперенных атрибутов гражданского общества.

В исторической литературе разного рода добровольные ассоциации рассматриваются как «школа» демократии, которая способствует обретению навыков демократического решения вопросов путем их обсуждения и голосования, усвоению идей равенства и толерантности. В этом контексте представляет интерес возможность «протестировать» дворянские выборы последней четверти XVIII – первой трети XIX в. в поисках ответа на вопрос: чем же были в то время дворянские общества – элементом формирующегося гражданского общества или привилегированными сообществами, использовавшими механизмы квазидемократического самоуправления, относящимися, по выражению Ф. Трентмана, к «предыстории» гражданского общества⁹?

В дореволюционной историографии дворянским выборам не уделялось специального внимания, хотя в трудах ведущих историков этот вопрос в той или иной степени затрагивался¹⁰. Преимущественное внимание исследователей концентрировалось на анализе законодательства о службе по выборам дворянства и правительственной политики

Екатерины II и Павла I. В советское время объективное освещение этих проблем было невозможно по идеологическим причинам. Интерес к истории дворянства возродился в 1990-х гг., о чем свидетельствуют многочисленные региональные исследования, среди которых преобладают кандидатские диссертации, раскрывающие и отдельные стороны дворянских выборов XVIII – первой половины XIX в.¹¹ Традиция историко-правового изучения самоуправления также получила свое развитие, проявившись и в принципиально новом обращении к институту выборов в XVIII – первой половине XIX в.¹² В целом же разработка истории дворянских выборов в России еще только начинается, причем с этапа локальных исследований, чему способствуют многообразие и неполная унификация правового статуса частей Российской империи.

В данной статье рассматриваются дворянские выборы в последней четверти XVIII – первой трети XIX в.: от первых выборов после губернской реформы 1775 г., существенно расширившей номенклатуру должностей, замещаемых по выборам дворянства, до 1831 г., когда Николай I реформировал систему дворянских выборов. Преимущественное внимание уделяется Московской и Тверской губ., что позволяет увидеть столичный и провинциальный срезы проблемы.

Имперское законодательство и местные практики. Законодательные условия, в которых дворяне осуществляли свое избирательное право, формировались постепенно. Институт дворянских выборов обретает достаточно устойчивый характер, начиная с избрания Уложенной комиссии 1767 г., и превращается в систему в процессе реализации губернской реформы 1775 г. Избирательные права получают законченное оформление в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. Этим актом право голоса было предоставлено лицам, владеющим деревней, достигшим 25 лет и получившим на службе обер-офицерский чин. Пассивное избирательное право (быть избранным) было дано дворянам, имевшим доход с деревень не менее 100 руб., не моложе 25 лет и служившим в обер-офицерском чине¹³. Тот, кто «вовсе не служил или, быв в службе, до обер-офицерского чина не дошел», лишался избирательных прав¹⁴.

Чтобы понять, соответствовали ли эти положения чаяниям дворянства, необходимо проследить, как действовал механизм включения/исключения на выборах. Учитывая неоднородное происхождение, социальное и имущественное неравенство различных групп дворянского сословия, наличие между его представителями конфликтов интересов, вероятно, обобщающий ответ на этот вопрос следует искать не в проектах отдельных лиц¹⁵, а в повседневной дворянской избирательной практике, сложившейся к моменту дарования Жалованной грамоты. Изучение этих процессов способно пролить свет на отношение дворян к законодательству в данной сфере, а также на понимание процессов конструирования дворянского сословия.

В историографии встречается утверждение, «что дворяне ряда губерний стали ограничивать участие в выборах мелкопоместных, не имевших 20 крестьянских душ, и понижать возрастной ценз для занятия некоторых должностей»¹⁶. Однако есть основания полагать, что инициатором введения этих цензов было не дворянство, а губернская власть. Анализ вопросов, поставленных новгородским и тверским генерал-губернатором П.С. Потемкиным перед императрицей, позволяет утверждать, что инициатива исходила от его предшественника Я.Е. Сиверса: «Во всех избраниях, бывших *под руководством* управляющего... Новгородскою и Тверскою губерниями... Сиверса из подневных записок видимо, что дворяне, не имеющие двадцати душ достояния, в судьи избираемы не были, *чего в прочих губерниях не усматривается, сие распоряжение*, как видно, почерпнуто из проекта о дворянах (здесь и далее в цитатах курсив мой. – А.К.)»¹⁷. Итак, «под руководством», «распоряжение» – эти ключевые слова связаны именно с Сиверсом, как и указание на то, что такие ограничения действуют только в Новгородской и Тверской губ.

В документах об организации выборов 1776 г. и 1779 г. в регионе инициатором цензов выступает Сиверс. «Обряд собрания и выборов Тверского наместничества дворянского общества» 1779 г. предписывал предводителям наблюдать, «чтобы каждый выбирающий помещик не меньше десяти, а избираемый не меньше двадцати

мужеска полу душ имел»¹⁸. Этот нормативный документ уточнил и возрастной ценз – 25 лет для избираемых в предводители и судьи и 21 год для баллотируемых в заседатели судов¹⁹. Потемкин полагал, что имущественный ценз его предшественник «почерпнул» из проекта о дворянах, с которым сам он был хорошо знаком. Историк С.А. Корф был твердо убежден, что именно так и обстояло дело²⁰. Однако доказать свое утверждение ему не удалось. Если исходить из предположения Потемкина, то не понятно, зачем Сиверс вместо указанного в проекте 100-рублевого дохода с имени определил имущественный ценз для избираемых лиц в душах? К тому же, как обратил внимание Екатерины II Потемкин, 20 душ крепостных не дают дохода в 100 руб.²¹ Наконец, снижение пассивного избирательного права до 21 года было новацией Сиверса и противоречило екатерининскому проекту. Все это дает основание считать, что Сиверс прежде всего искал оптимальные варианты введения имущественного и возрастных цензов для дворянских выборов. При этом он счел нужным объяснить съехавшемуся тверскому дворянству правовые основания введенных им цензов. Устанавливая их, он исходил из двух дворянских привилегий: права «благородных» выбирать себе судью и владеть крепостными. Вводя в Твери имущественный ценз, он опирался на действующее законодательство: «уважая сверх того *учреждение при основании белорусских губерний*, в числе коих и две великороссийские провинции имеются, в котором точно предписано, выбор судей производить шляхетству, таким точно образом, каким во всей империи в предводители и депутаты выбираются, с тем прибавлением, чтобы каждый выбирающий помещик не меньше десяти, а выбираемый не меньше двадцати мужеска полу душ имел»²². «Обряды», уточняясь порядком выборов, имели временный характер. Поэтому Потемкин обратился за разъяснениями к императрице. Екатерина II, вероятно, хотела выяснить отношение дворянства к этим цензам, отсюда резолюция: «До издания главы о дворянстве, оставить сие на волю дворян»²³.

В какой мере на формирование электорального поведения дворян повлияло введение избирательных цензов? Следует отметить, что некоторые историки не считают возможным использовать термины «электорат» и «электоральное поведение» применительно к России XVIII–XIX вв. При этом они не отрицают, что сами выборы все же имели место. Логика их критики выстраивается на основе схемы современных выборов: электорат неоднороден, а дворянство было единым сословием, поэтому использование термина «электоральное поведение» некорректно. Я не могу принять такую точку зрения уже по той причине, что дворянство не было единым ни по происхождению, ни по социальному статусу, ни по имущественному положению. Много ли было общего у столичных аристократов, вращавшихся при дворе, обладавших тысячами душ крепостных, получивших блестящее европейское образование, и «чумазых деревенских дворян» (по выражению Э. Ле Руа Ладюри)²⁴, многие из которых не владели и десятком крепостных и едва умели поставить свою подпись под документом? Несомненно, что внутри дворянства существовали серьезные противоречия, а следовательно, формировались и групповые интересы, хотя бы на локальном уровне. Мне представляется, что использование термина «электорат» для рассматриваемого времени не совсем корректно в связи с тем, что в полной мере он работает в рамках дихотомии: «избиратели» и «кандидаты». В XVIII в. эти участники избирательного процесса, как правило, не различались. Говорить об электорате можно лишь тогда, когда желавшие баллотироваться на определенные должности должны были уведомить об этом узких предводителей. С этого момента произошло разделение участников дворянских собраний на избирателей и кандидатов, во многом условное, так как на собрании могли баллотироваться и кандидаты, выдвинутые уже в ходе начавшегося голосования.

Единого общепризнанного определения электорального поведения (voting behaviour) нет. Я опирался на «Большой социологический словарь», где данный термин характеризуется как «процессы принятия решений и социальные факторы, влияющие на модели голосования». Применительно к XIX в. под электоральным поведением следует пони-

мать участие/неучастие субъекта в выборах в органы государственной власти, суда и самоуправления, а также голосование за определенного кандидата.

Слухи о введенных в Твери цenzax в некоторой степени усилили абсентеизм дворян, не имевших обер-офицерского чина. Так, например, в Пскове на выборах в декабре 1777 г. из 677 дворян доля не служивших или не выслуживших первый офицерский чин составила менее 2%²⁵, в то время как в Твери таковых было 5%. В целом большинство дворян к эксперименту Сиверса отнеслось негативно. Об этом в частности свидетельствует донесение калужского и тульского наместника М. Кречетникова Екатерине II от 12 декабря 1776 г. Передавая разговоры, услышанные им в Москве о введенном имущественном цензе, он писал, что дворяне не считают это волей императрицы, но «относят сию *прискорбность, причиняемую дворянству, от начальников*». Аналогичные «слухи» об ограничении избирательных прав «малопоместных» дворян носились накануне первых выборов и в Калуге. Поэтому наместник был вынужден успокоить дворян через предводителей, «что все дворянство допустится к выборам, не исчисляя имущество душ»²⁶.

Итак, на первых дворянских выборах в Твери и в Калуге были апробированы разные модели включения/исключения дворян в дела сословной корпорации. В дальнейшем Екатерина II утвердила модель, опирающуюся на тверской опыт. Сохранив достаточно высокий возрастной ценз (25 лет), имущественный ценз она выразила не в крепостных душах, а в денежной форме – 100 руб. Данная мера позволяла ввести единый критерий для дворян-помещиков и дворян-домовладельцев, что в какой-то мере должно было способствовать консолидации дворянства. Думается, установление денежного ценза позволило Екатерине II обойтись без очередной неприятной для нее констатации, что социальный строй Российской империи основывается на крепостном праве («рабстве»). М.М. Щербатов подверг саркастической критике установленный в Жалованной грамоте дворянству имущественный ценз: «Сдрогаются дух мой, читав сию статью, чтобы дворянина, имеющего меньше сто рублей доходу с деревень своих, в должности, зависящие от выбора дворянства, не выбирать, яко бы благородство и честность от доходу зависели и тот бы благороднее был, кто есть богаче»²⁷. Однако соображения Щербатова, выражавшего отношение к имущественному цензу большинства дворян, не были услышаны властью. Более того, в дальнейшем Николай I поднял цenzовую планку для непосредственных обладателей активного избирательного права на недосягаемую для основной массы дворянства высоту – 100 душ мужского пола.

Павел I более тесно (по сравнению с Екатериной II) связал предоставление дворянам избирательных прав с прохождением ими государственной службы. Если при Екатерине чин давал голос на дворянских собраниях, то при Павле этот критерий был дополнен мнением начальства о службе дворянина. Запретив избирать и быть избранными лицам, уволенным из военной службы²⁸, Павел сократил электоральную базу дворянских выборов. Соблюдение всех установленных законом цenzов ставило перед организаторами выборов серьезные проблемы и превращало составление списков избирателей в нелегкий и длительный процесс.

Формирование корпуса избирателей. Насколько полно соблюдались на практике законодательные требования к избирателям? Архивные документы свидетельствуют, что регистрация избирателей зависела от старательности уездных предводителей дворянства и земских исправников, а также гражданской активности самих дворян, которым надлежало лично зарегистрироваться или прислать отзыв о своем участии/неучастии в выборах. Любопытно, что накануне выборов 1785 г. московский уездный предводитель дворянства имел информацию о 32-х дворянах-москвичах, зарегистрировавшихся для участия в выборах, и 5-ти, уведомивших о болезни. Между тем в выборах приняли участие 148 человек, живших в Москве²⁹. Сбор сведений о дворянах-избирателях в Московской губ. был организован крайне плохо не только в 1780-х гг., но и много лет спустя. В начале XIX в. здесь нередко выбирали уездными предводителями дворян, у которых не было в данной округе недвижимого имущества. Особенно грешили этим дворяне новых уездов – Богородского и Рузского³⁰. Летом 1829 г. управляющий МВД

Ф.И. Энгель вновь констатировал, «что число дворян Московской губернии, имеющих и не имеющих права участвовать в выборах, ныне в точности не известно»³¹.

В соседней Тверской губ. учет избирателей был организован лучше, хотя и здесь не все обстояло благополучно. Так, в 1789 г. в губернии была зафиксирована неудовлетворительная ситуация с составлением родословной книги: «списки доставленные от господ предводителей не полны и не верны, так что в некоторых не только семейства, но и целые фамилии дворянские не показаны»³². Итоги выборов 1822 г. и вовсе были отменены из-за массового допуска к выборам лиц, не доказавших свое право в них участвовать.

Злоупотребления должностным положением со стороны уездных чиновников происходили уже на стадии оповещения участников выборов. Эта задача возлагалась на полицию («земский суд»). От старательности и добросовестности исправника и заседателей земского суда чаще всего и зависело информирование проживавших в уезде помещиков о предстоявших выборах. Чины полиции могли игнорировать некоторых дворян, с которыми состояли в недружественных отношениях, чтобы лишить их возможности повлиять на голосование. Аналогично они могли поступить и с помещиками, проживавшими в отдаленных от уездного города поместьях. Некоторые дворянские предводители охотно возлагали всю ответственность за оповещение избирателей на земские суды³³.

В законодательстве существовали отдельные нестыковки и целые «дыры», открывавшие простор как для вмешательства местных властей в подготовку выборов, так и для различных интерпретаций действующих законов со стороны участников избирательного процесса. Эти интерпретации были двух видов: лично-мотивированные, действующие в отношении отдельных лиц (внесение/невнесение в избирательные списки каких-либо дворян по соображениям дружеских/неприятельных взаимоотношений), и социальные (допускать/не допускать к выборам определенные категории дворянства, соблюдать/не соблюдать различные избирательные цензы). Первые представляли собой преднамеренное нарушение закона. Социальные же интерпретации, напротив, позволяют проанализировать, как работал принцип включения/исключения в дворянскую корпорацию. Обратившись к ним, можно установить, кого действительно дворяне считали достойными быть сочленами своей корпорации, а кого полагали нужным отстранить от участия в принятии решений.

Юридическим основанием лишения права голоса на выборах дворянина, отвечавшего всем формальным критериям (потомственное дворянство, полученный первый офицерский чин на действительной службе, доходы от имения, возраст), была судимость или нахождение под судом. Екатерина II переоценила «благородство» дворян, полагая, что лица, бывшие под судом или замеченные в «явном пороке», будут отвергаться дворянским обществом. Вероятно, в условиях существовавшей тогда правовой системы с господством инквизиционного процесса и обвинительным уклоном следствия подобные ожидания были иллюзорны. Дворянство смотрелонисходительно на факты пребывания под судом. Судимых лиц выбирали как вполне осознанно, так и по незнанию. Вмешательство губернского прокурора с оглашением компрометирующих материалов оказывало влияние на отбор кандидатов далеко не всегда. Например, 18 января 1811 г. прокурор Тульской губ. Гурьев объявил дворянам Епифановского уезда, что против служившего исправником майора Марсочникова ведется следствие по обвинению в должностных преступлениях. Хотя губернский прокурор требовал не допускать Марсочникова к баллотированию, лишь 6 помещиков отказались принять шары, а другие 16 вновь оказали доверие обвиняемому исправнику³⁴.

Служебный ценз: Коломенские дебаты. 18 февраля 1807 г. на собрании дворян Коломенского округа развернулись словесные баталии по вопросам: включать ли в список для голосования и дать ли право голоса тем дворянам, которые в обер-офицерских чинах не служили, но были избраны в милицию сотниками. Речь шла о подпоручике Д.К. Наумове и губернском секретаре П. Лелюшине. Как писал уездный предводитель Норов губернскому предводителю, некоторые из дворян (статский советник

кн. Б.М. Черкасский, кн. П.И. Гагарин, майор В.Л. Похвиснев и др.) «утверждали, что избранные дворяне в милицию, хотя и не служили в обер-офицерских чинах, могут сидеть с заслуженными, баллотироваться и баллотировать других». Норов и часть дворян им возражали. Тогда желавшие принять милицейских сотников в «сословие» приказали протоколисту составить свое определение, которое подписали 23 из 31 участника выборов. Когда же дело дошло до баллотирования вопроса о внесении Лелюшина в список для голосования, баланс сил несколько изменился: 15 проголосовали «за», 13 – «против». При этом предводитель и трое дворян (действительный камергер кн. М.А. Долгоруков, статский советник И.А. Новиков и майор А.П. Дашков) «шаров взять не захотели». Тогда оказавшиеся в большинстве сторонники допуска милицейских сотников к полноправному участию в выборах потребовали включить их в баллотировочный список³⁵. Конфликт вызвал у Норова эмоциональное потрясение – на следующий день, составляя рапорт о происшедшем, он не смог внятно изложить эти события. Их пересказ крайне противоречив: с одной стороны, Норов как будто настоял на своем; а с другой – собравшиеся допустили Лелюшина «сидеть с заслуженными и баллотировать других», хотя доказательства дворянства он не представил³⁶.

Вопрос о предоставлении избирательного права упомянутым сотникам имел принципиальный характер. Речь шла о дворянах, которые по действующему законодательству не должны были участвовать в делах дворянского собрания. Предоставление им права голоса означало включение этих людей в число полноправных сочленов дворянского общества. Не случайно в своем рапорте Норов говорит о принятии сотников «в сословие». Позиция коломенского предводителя основывается на том, что они не служили в обер-офицерских чинах. Иная интерпретация законодательства у его оппонентов. Их аргументы Норов не приводит, но, полагаю, что главным из них было признание службы сотников в милиции (ополчении) в условиях военного времени равным действительной государственной службе.

Происшедший на коломенских выборах конфликт не был ни противостоянием титулованного и служилого дворянства, ни столкновением богатых и мелкопоместных землевладельцев. В обеих конфликтующих «партиях» были представители аристократии и богатые помещики. Поведение группы дворян, фактически требовавшей признать выборную службу столь же социально значимой, как и государственную, описывается в рамках *гражданского действия*. Группа, возглавляемая князьями Черкасским, Гагариным и майором Похвисневым, выдвинув на собрании дворянства свое предложение по коррекции существующего законодательства, действовала последовательно, сплоченно и настойчиво. Поднятая коломенскими дворянами проблема не осталась без внимания правительства. Хотя имперская власть не была готова к уравниванию государственной и общественной службы, но для дворян, служивших в милиции (ополчении), сделала исключение. Указом 10 марта 1808 г. к выборам допускались чиновники, служившие в милиции и получившие «первые офицерские чины при увольнении от службы»³⁷.

Структурирование локальных интересов и выдвижение лидеров дворянских обществ. В дореволюционной историографии утвердилось обоснованное мнение, что до 1762 г. дворяне, занятые государственной службой, в своих имениях не бывали, поэтому ни о каких местных интересах в провинции говорить не приходится. Однако постепенно такие общие интересы у помещиков, поселившихся в своих имениях³⁸, стали появляться. Где же могли эти общие интересы выявляться и дискутироваться? Законом предусматривались собрания дворянства обычные и чрезвычайные. Обычные съезды дворянства губернии проходили раз в 3 года для проведения выборов. На них же дворяне имели возможность обсуждать свои насущные проблемы: устанавливать сборы на благотворительность, строительство учебных заведений, принимать решения о приведении в порядок дорог и мостов, о создании запасных магазинов семян и продовольствия и т.д. Чрезвычайные съезды могли проводиться по инициативе самих дворян по мере надобности с разрешения начальника губернии. Однако на практике они собирались редко, а инициатива их проведения принадлежала,

как правило, генерал-губернаторам (губернаторам) или же предводителям дворянства губерний, в основном для повторных выборов или введения экстраординарных налогов.

В таких условиях дворянские выборы играли важнейшую роль в осмыслении общественных интересов не только дворян-избирателей, но и всего дворянского общества на губернском и уездном уровнях. Однако для того, чтобы эти интересы кристаллизовались, дворяне должны были предварительно их обсуждать. От степени внутрисословной коммуникации не в последнюю очередь зависело и качество выдвигаемых лидеров. В столицах и отдельных губернских городах важными каналами этой коммуникации служили масонские ложи, клубы и благородные собрания. Здесь, хотя и с известной натяжкой, можно говорить о складывании неофициальной публичной сферы. В уездах социальная коммуникация дворян имела приватный, родственно-соседский характер – поездки на свадьбы, именины, крестины, похороны. Такие поездки, разумеется, способствовали укреплению дворянской идентичности. Ведь в гости приглашали того, кого считали равным себе в социальном отношении. Правда, подобные гостевые контакты помещики поддерживали также и с богатыми купцами. Поэтому переоценивать значение обычая гостевания в консолидации дворянского сословия все же не следует. Насколько эффективной была коммуникация «по случаю» для структурирования общественных интересов на уездном уровне? Была ли она в состоянии выявить общую точку зрения на социальные проблемы, волновавшие помещиков? Способны ли были такие встречи сформулировать общую позицию дворян-землевладельцев, чтобы донести ее до власти, могли ли на них выдвигаться лидеры, готовые отстаивать корпоративные интересы?

«Эффективность» родственно-соседской коммуникации явственно проявилась при заочном избрании в январе 1801 г. предводителем Верейской округи Московской губ. подполковника В.Н. Панова. Лишь спустя полтора месяца через земскую полицию были получены сведения от вотчинного старосты сельца Ильина, «что оной господин его не подполковник, а генерал-лейтенант, находится в Москве для раздела с братьями имения». В результате, как выяснил уже сам губернский предводитель, Панов после раздела имения с братьями в Верейском уезде никакого имения не имел, поэтому и предводителем быть не мог³⁹. Избрание Панова предводителем свидетельствует о крайне низком уровне социального общения дворян Верейского уезда. Никто из участников выборов не имел с Пановым никаких контактов. Чего стоит уже именование его подполковником – тремя воинскими званиями ниже. Однако дворяне заочно выбрали своим предводителем фактически незнакомого человека. Казус «подполковника» Панова не был каким-то выдающимся исключением. Избрание незнакомца главой уездного дворянского общества было нередким явлением. Так, например, избранный заочно предводителем дворянства Богородского уезда бригадир Н.И. Муханов в 1802 г. отказался от должности, поскольку не жил там и не был известен местному дворянству. Заявитель недоумевал: «Я ни в списках той округи себя не причислял, ни жительства там не имею». Другой выбранный в предводители той же округи генерал-майор П.А. Афросимов также не жил в уезде и не имел там имения⁴⁰. Приведенными фактами выборы подобных дворянских «лидеров» не исчерпываются. Вместе с тем следует отметить, что среди избранных предводителями «чужаков» были военные, дослужившиеся до высоких чинов (подполковник, бригадир, генерал-майор). Это обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, о сохранившихся среди дворян чинопочитании и авторитете армейской службы, а с другой – об отсутствии и в начале XIX в. консолидированных местных интересов.

Дворянские «партии». В жалобах на нарушения, допущенные в ходе выборов, встречаются упоминания о дворянских «партиях», поддерживавших кандидата или группу кандидатов. Как и на какой основе происходило формирование этих «партий»? Например, кн. Любецкой, бывший предводителем в одном из уездов Московской губ. в конце правления Екатерины II, перед выборами приглашал к себе дворян уезда и объявлял им, «кого они должны выбрать судьёю, кого исправником и т.д.»⁴¹. А.И. Кошелев

так описывает причины, позволявшие одному из уездных предводителей дворянства Рязанской губ. побеждать на выборах: «Дворяне почти все были его должниками. ... На выборы он их возил на свой счет и вследствие того всегда был выбираем значительным большинством»⁴². Кандидата и избирателей здесь связывали отношения: патрон – клиент. Описанная модель электорального поведения – это *клиентелизм*. Одновременно действовал и другой принцип создания дворянских «партий». Группа дворян объединялась и принимала решение о поддержке своих кандидатов на конкретные должности, добиваясь скоординированного баллотирования⁴³. Поведение на выборах члена такой «партии» можно считать «партийным», укладывающимся в *конвенциональную* (от «конвенция» – соглашение) *модель* электорального поведения. Встречалась также *сервильная модель*. Так, например, кн. И.М. Долгоруков сообщает, что на дворянских выборах в Пермской губ. (1784 г.) голосовали по указанию губернатора. Воля губернатора сообщалась через протоколистов, разносивших урны и шары для баллотирования⁴⁴.

Голосование. Процедура голосования основывалась на «Обряде депутатского выбора» 1766 г. Законодатель позаботился о том, чтобы обеспечить равные условия всем участникам данного процесса. С этой целью следовало выполнить несколько простых условий: непосредственно перед выборами надлежало читать соответствующие статьи законов, оглашать список баллотлируемых лиц и баллотировать каждого дворянина, обладавшего этим правом, на все должности. При этом следовало соблюдать спокойствие, тишину и порядок. Последнее имело место далеко не всегда. Вопреки прямому запрету, нередко перед голосованием возникали оживленные дискуссии, когда публично обнародовался компромат с целью недопущения к баллотированию отдельных участников⁴⁵. В источниках отразились и отдельные факты агитации непосредственно в момент голосования⁴⁶. В исторической литературе с подачи Н.Ф. Дубровина и С.А. Корфа утвердилось мнение, что «дворянские выборы редко проходили без шума, брани и самых крупных скандалов»⁴⁷. По материалам выборов в Московской и Тверской губ. такая оценка является излишне категоричной. Представления же о допустимости дискуссий на выборах иногда существенно отличались у их участников. В этом плане весьма показательный казус произошел в 1804 г. при избрании уездного предводителя Дмитровского уезда Курской губ. Прежний уездный предводитель майор Пушкарев, неудачно баллотировавшийся на новый срок, пожаловался губернатору на «шум» и «неустройство», производимое «партией Тютчева». Губернатор, недовольный избранием уездным предводителем подполковника Тютчева, не только отказался утвердить того в должности (был под судом), но и подал представление министру внутренних дел о беспорядках на выборах. В результате доклада министра царю под суд попал штабс-капитан Суковкин, отпущенный из полка на 4 месяца. Но губернский предводитель дворянства Гасвицкий и другой авторитетный участник избирательного процесса, действительный статский советник Анненков, заявили, что споры о баллотировании Тютчева были, но все находилось в пристойных рамках. Военный суд признал обвинения губернатором Суковкина не подкрепленными доказательствами и оправдал подсудимого. С его мнением согласились генерал-аудитор и император⁴⁸. Летом 1822 г. тверское дворянство исключило из собрания титулярного советника Д. Ефимовича, который требовал баллотирования всех дворян во все должности «непристойным и возвышенным голосом», а также назвал выборы «кукольной комедией»⁴⁹.

Голосование не обязательно проводилось посредством баллотирования шарами, как предписывал закон. В Московской губ. предводителей всегда, за редчайшим исключением, избирали баллотированием⁵⁰, а депутатов (для составления и ведения родословной книги) нередко без такового. В разных городах на одних и тех же выборах голосование могло быть вариативным: в одних уездах депутата избирали баллотированием, в других – «с общего согласия»⁵¹. Все контролировавшие процесс инстанции (губернский предводитель, прокурор, губернатор, генерал-губернатор) не обращали внимания на отсутствие единообразного порядка.

Законодательство допускало возможность предварительного голосования, осуществляемого путем передачи права голоса конкретному лицу или всему обществу. Вариантом досрочного голосования был сбор заинтересованным лицом одобрительных записок (доверенностей). Так, например, в 1803 г. подольский земский исправник Ильинский запасся одобрительными записками от 8 отсутствовавших дворян. Однако съехавшиеся на выбор дворяне отклонили эти голоса, что Ильинский пытался оспорить. Предводитель дворянства Московской губ. Дашков был солидарен с решением собрания: «Подольское дворянство по образу прочих уездов положило не принимать таковое доверие, ибо легко могло бы произойти от оных притеснительный в баллах присутствующим перевес»⁵².

Аналогичным путем в январе 1806 г. пытался добиться переизбрания земский исправник Вышневолоцкого уезда Тверской губ. Н.С. Чичерин. Само голосование его сторонникам удалось сделать открытым, хотя часть дворян настаивала, «дабы шарики полагаемы были в покрытый сукном ящик, но многие из благородного общества во уважение сего не приняли и остались при первом своем предположении»⁵³. Называя вещи своими именами, можно констатировать, что «партия» Чичерина добилась незаконной формы голосования, удобной для давления на независимых избирателей. Позицию этой «партии» поддержал и бывший предводитель коллежский советник Н.Я. Пыжов, который отстаивал право дворян проводить выборы не в соответствии с установленными в законе процедурами («обряд» 1766 г.), а по собственному усмотрению: «что же касается до избрания белыми шарами, то сие оставалось в волю благородного общества». Пыжов ссылался на бытовавшую практику избрания «белыми шарами»: «Прошлого 1794 года и я был избран в уездные судьи по заочности белыми же шарами, да и ныне избран предводитель дворянства господин надворный советник Михайла Васильевич Храповицкой таковым же образом»⁵⁴. Узнав о случившемся, исполняющий должность губернского предводителя дворянства А.С. Шишков оперативно организовал новые выборы исправника.

В некоторых губерниях практиковались и прямые способы фальсификации выборов. Эти приемы не были секретом для современников. Драматург Г.Ф. Квитка, многие годы служивший по выборам, в своей комедии устами канцелярского чиновника повествует о бытовавших ранее (в первой четверти XIX в.) способах фальсификации итогов голосования в Малороссии: «Можно бы перед вашей баллотировкой в избирательном ящике оставить шаров десяток, да уж это слишком плоско; сведет это и, по неверности, перебаллотировку, а это уж никуда не годится. Можно бы ваши избирательные шары, когда вынут из ящика, рассыпать, да собирая дополнить из рукава – и эта штука удавалась мне иногда; но время и люди теперь не те, строго уж очень придерживаются порядка; даже коснулись и к ящикам и так их устроили, что почти ничего не вымудришь. Прежде, бывало, нашему брату ничего не значило тряхнуть ящик и шары все скатывались по желанию, а чиновник сядет на шею дворян против их воли»⁵⁵. Исследователь Т.Н. Литвинова приводит пример, как некоторые дворяне Валуйского уезда Воронежской губ. в 1825 г. брали лишние шары с блюда. На тех же самых выборах члены этой «партии», пользуясь несовершенным устройством ящика, перетаскивали шары из неизбирательной части в избирательную⁵⁶.

В Московской и Тверской губ. в рассматриваемое время подобные ухищрения не были зафиксированы, что все же не исключает их бытования. В пользу такой возможности свидетельствует, например, факт обнаружения на московских выборах 1863 г. в одном из ящиков 56 лишних шаров. Характерно, что обвиненный публично в махинациях уездный предводитель Н.Г. Головкин и губернский предводитель кн. Л.Н. Гагарин недоумевали, каким образом в ящике могло оказаться такое количество лишних шаров. Гагарин утверждал, что лично осматривал перед голосованием каждый ящик. Возможно, Гагарин лгал: не проверил ящик или был в курсе махинации. Но более вероятно, что он просто не был осведомлен о подобных способах манипуляций с шарами. Условия для подтасовки итогов голосования были заложены решением собрания считать только избирательные баллы⁵⁷.

«Прокатить на вороных», или о «белых» и «черных» шарах. В исторической литературе встречается утверждение, что голосование на дворянских выборах осуществлялось белыми и черными шарами. Именно этим объясняются выражения «на вороных прокатить» и «черняками закидать». В сборнике М.И. Михельсона начала XX в. приведены следующие объяснения этих выражений: «(иноск.) забаллотировать, накидав больше черных шаров, чем белых» и «забаллотировать черными шарами»⁵⁸. Оригинальный вариант выражения «прокатить на вороных» приводит Квитка о кандидате, получившем всего 1 белый шар: «Это называется вороные со звездочкою»⁵⁹. Некоторые современные авторы (филологи и даже историки), говоря об использовании на выборах белых и черных шаров, попали в языковую ловушку, невольно созданную участниками и очевидцами этого процесса. На самом деле шары (шарики) для баллотирования были одного цвета, и их полагалось класть в ящик, перегородженный внутри на две части. Над правым отверстием была надпись «избираю», над левым – «не избираю». Законодатель продумал вопрос об обеспечении тайны голосования – ящик был покрыт сверху сукном, которое должно было закрывать и отверстия для опускания шаров. Благодаря такому устройству урны (ящика) не было никакой необходимости изготавливать шары двух цветов. Более того, если бы каждый избиратель получал по 2 шара, то опуская в урну один, куда он должен был деть другой? Ведь шары в отличие от бюллетеней были предназначены для многократного голосования. Поэтому выборщик, возвращая неиспользованный шар канцелярским служителям, разносившим их на тарелках (блюдах), нарушал бы тайну голосования. Наконец, еще один аргумент в пользу одноцветных шаров: все (за единственным исключением) ранее описанные способы манипуляции с подсчетом голосов возможно было осуществить лишь при условии, если шары одного цвета.

Можно предположить, что метафора «белый шар» укрепилась в обиходе благодаря тому, что порядок выборов в Уложенную комиссию 1767 г. допускал возможность подачи мнения в виде записок отсутствующими лицами, что использовалось и на последующих выборах. Разумеется, вариант голосования письменными отзывами мог быть лишь дополнительным фактором к традиционному распределению в христианском мире ассоциаций, связанных с белым и черным цветами: «день» («ночь»), «свет» («мрак»), «радость» («печаль»). Более престижной считалась и правая сторона по сравнению с левой. Итогом таких стереотипов, доминирующих в картине мира русских дворян, и стало синонимичное использование выражений «класть налево» и «черный шар» и, соответственно, «класть направо» и «белый шар». Именно в такой коннотации они фигурируют в комедии В.В. Селиванова «Дворянские выборы». На обеде один из гостей решительно заявляет хозяину: «Не могу иначе; *направо-с*. ... Я, ваше сиятельство, всем кладу *белые*»⁶⁰.

Поведение избирателей на стадии утверждения результатов голосования.

В Московской и Тверской губ. коллективных протестов против не утверждения итогов выборов губернаторами не было. Однако серьезное противостояние дворянской корпорации и губернских властей имело место в Казани в 1814 – начале 1830-х гг. И началось оно с отказа исполняющего должность гражданского губернатора Ф.П. Гурьева утвердить в должности 7 из 14 избранных на «общую службу по государству». Такое решение вызвало протест губернского предводителя Г.Н. Киселева, опиравшегося на поддержку дворянства. «Суть начавшегося противостояния заключалась в стремлении губернатора на обозначившиеся вакансии назначать чиновников от правительства. Это воспринималось дворянством как ущемление их корпоративных интересов», – пишет А.Н. Бикташева⁶¹. Действия дворянской корпорации интерпретируются исследовательницей как дворянская фронда. К сожалению, она не приводит своего определения этого понятия, которое в современной российской историографии используется для обозначения самых разных явлений. Если же посмотреть на проблему с точки зрения соотношения в истории страны выборного и бюрократического начал или в аспекте генезиса гражданского общества, то очевидно, что местное дворянское общество справедливо выступило на защиту своих прав, против узурпации их губернатором. Обраще-

ния казанского дворянства к имперским властям и последующая конфронтация между сменяемыми (по жалобам) губернаторами и губернской дворянской корпорацией свидетельствуют не только о корпоративной сплоченности, но и об усвоении гражданских начал. Казанское дворянство, отстаивая свое право избирать чиновников в органы местного управления и суда, проявило гражданственность и оказало сопротивление бюрократии.

Подведем итоги. Проведенное исследование электорального поведения дворянства Московской и Тверской губ. последней четверти XVIII – первой трети XIX в. свидетельствует о положительном отношении провинциального и столичного дворянства к институту корпоративных выборов. Оно не подтверждает утверждений досоветской историографии, что в выборах не участвовали наиболее богатые и наиболее бедные группы дворян. Историки конца XIX – начала XX в., игнорируя массовые делопроизводственные материалы, утверждали, что богатые аристократы гнушались местным самоуправлением, имея возможность отстаивать свои интересы благодаря связям при дворе и в министерствах, бедная часть дворян не участвовала в выборах из-за имущественного ценза, а соответствовавшие его нижней грани нередко стеснялись своей бедности и необразованности⁶². В Московской и Тверской губ. аристократия принимала в выборах активное участие. К таким же выводам на материалах Рязанских выборов последней трети XVIII в. приходит В.В. Крючков⁶³. Т.В. Платонова, исследовавшая дворянские выборы в Саратовской губ., напротив, утверждает, что крупнейшие землевладельцы края были равнодушны к выборам⁶⁴. Я полагаю, однако, что здесь более уместна иная интерпретация приведенных ею данных. Представители знати владели именьями не только в Саратовском регионе, но и в других губерниях. Поэтому они и не могли участвовать во всех губернских выборах, проходивших одновременно.

В целом, электоральная активность дворянства в рассматриваемое время была подвержена заметным колебаниям, а ее пик приходился на первые или вторые выборы после открытия губерний. Случаи проявления гражданской позиции и гражданского действия участниками выборов имели единичный характер. Все это не позволяет говорить о том, что дворянские уездные общества 1770–1820-х гг. были элементами гражданского общества. Вероятно, их можно отнести к институтам, относящимся к его предыстории. Однако остается вопрос: были ли такие «псевдодемократические» институты обречены на неизменность своего статуса или же со временем они под влиянием различных политических и культурных факторов могли эволюционировать в сторону гражданского общества? Полагаю, что приведенные в статье факты позволяют утверждать, что дворянские общества, пусть и медленно, двинулись в этом направлении. Сами выборы, создавая условия для публичного общения дворян, выходящего за пределы соседских и родственных связей, способствовали самоорганизации отдельных групп дворянства, помогали структурировать частные интересы на уездном и губернском уровне, формировали корпоративную общность дворянского сословия. Таким образом, можно констатировать, что выборы вносили свою лепту в процесс формирования гражданского самосознания дворян. Этот процесс (характеризующийся гражданскими инициативами, протестами против нарушения законов на выборах, отстаиванием принципов выборности) успешнее развивался среди дворянства Тверской губ., чем среди дворян Московской губ.

Примечания

¹ Я использую дефиницию «гражданского общества» Д. Коэна и Э. Арато из книги «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века» (М., 2007. С. 38).

² Медушевский А.Н. Гражданское общество // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 123.

³ Taylor Ch. Modes of Civil Society // Public Culture. 1990. Vol. 3. N 1. P. 96.

⁴ *Raeff M.* Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. N.Y., 1984. P. 129.

⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 2. СПб., 1999. С. 262.

⁶ Там же. Т. 1. СПб., 1999. С. 521.

⁷ *Civil society before democracy: lessons from nineteenth-century Europe.* N.Y., 2000.

⁸ *Брэдли Д.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века.* М., 2006. С. 71–72.

⁹ *Trentmann F.* Introduction: Paradoxes of Civil Society // *Paradoxes of Civil Society: new perspectives on modern German and British history.* N.Y., 2003. P. 4.

¹⁰ *Романович-Славянский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие. 1765–1855 гг. СПб., 1906; *Клочков М.В.* Дворянское самоуправление в царствование Павла I. СПб., 19121 и др.

¹¹ *Горбунова Н.В.* Донское дворянство XVIII – первой половины XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2000; *Крючков В.В.* Рязанское дворянство во второй половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2000; *Литвинова Т.Н.* Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; *Платонова Т.В.* Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002; *Сизова О.В.* Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999; *Чижова В.В.* Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Тверской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2001; *Шестаков М.В.* Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: на материалах Тамбовской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006; и др.

¹² *Миннирес И.В.* Выборы в российском государстве в XVIII веке: Историко-правовое исследование. Иркутск, 2006; *Новикова Н.А.* Избирательное право Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

¹³ Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству // *Законодательство Екатерины II.* Т. 2. М., 2001. С. 39–40.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Разбор этих проектов, представляющих несомненную важность для истории идей и политики правительства, см.: *Каменский А.Б.* Альтернативные модели преобразования административной системы в первой половине XIX в. // *Представительная власть в России: История и современность.* М., 2004. С. 138–159.

¹⁶ *Клеандрова В.М.* Дворянство // *Законодательство Екатерины II.* Т. 2. С. 16–17.

¹⁷ О дворянских выборах // *Законодательство Екатерины II.* Т. 2. С. 27.

¹⁸ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 788, ч. 1, л. 288.

¹⁹ Там же, л. 291.

²⁰ *Корф С.А.* Указ. соч. С. 128–129.

²¹ Б.Н. Миронов, напротив, утверждает, что в среднем 20 душ крепостных крестьян и приносили их владельцу сторублевый доход (*Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 514.)

²² РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 788, ч. 2, л. 125–125 об.

²³ О дворянских выборах. С. 27.

²⁴ *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. С. 6.

²⁵ Список дворянства Псковского наместничества, бывшему при первом его собрании в Пскове при баллотировании предводителей, судей и заседателей по уездам, в декабре месяце 1777 года. СПб., [1778]. С. 5–27.

²⁶ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 729, л. 14 об.

²⁷ *Щербатов М.М.* Примечания верного сына отечества на дворянские права на манифест (1785 г.) // *Щербатов М.М.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. С. 303.

²⁸ ПСЗ-1. Т. 24. № 18245; Т. 25. № 18321.

²⁹ Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ), ф. 4, оп. 1, д. 166, л. 8–9, 54.

³⁰ Там же, д. 170, л. 168–168 об.

³¹ Там же, д. 85, л. 1 об.

³² Государственный архив Тверской области (далее – ГА ТвО), ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 11.

- ³³ Там же, д. 127, л. 64.
- ³⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 64.
- ³⁵ ЦИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 180, л. 366–366 об.
- ³⁶ Там же, л. 366 об.
- ³⁷ ПСЗ-1. Т. 30. № 22887.
- ³⁸ В 1762–1771 гг. в полную отставку вышло 5413 офицеров, т.е. 47.8% офицерского корпуса (Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 107).
- ³⁹ ЦИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 170, л. 124–125.
- ⁴⁰ Там же, д. 174, л. 306, 325.
- ⁴¹ Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 433.
- ⁴² Русское общество 40–50-х годов XIX века. Ч. 1. Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 80–81.
- ⁴³ Явление неоднократно описывалось в сатирической литературе. См., например: Храповицкий М.В. Разговор уездных дворян о выборе в судьи. СПб., 1790.
- ⁴⁴ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. Т. 1. СПб., 2004. С. 307–308.
- ⁴⁵ РГИА, ф. 1151, оп. 1, 1814 г., д. 3, л. 2–2 об.; ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 59 об.
- ⁴⁶ Там же, ф. 1151, оп. 1, 1814 г., д. 3, л. 2 об.–3.
- ⁴⁷ Корф С.А. Указ. соч. С. 334; Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. СПб., 2007.
- ⁴⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 1, 1805 г., д. 146, л. 2–10 об.
- ⁴⁹ ГА ТвО, ф. 59, оп. 1, д. 825, л. 2, 28.
- ⁵⁰ Без баллотирования в 1782 г. был избран первый предводитель дворянства Московской губ. П.Б. Шереметев (ЦИАМ, ф. 16, оп. 30, д. 1, л. 39 об.). В феврале 1807 г. Т.Г. Расловлев был избран «без баллотирования» бронницким предводителем дворянства (Там же, ф. 4, оп. 1, д. 180, л. 336).
- ⁵¹ ЦИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 170, л. 160, 161 а, 180.
- ⁵² Там же, д. 176, л. 532.
- ⁵³ ГА ТвО, ф. 59, оп. 1, д. 185, л. 137.
- ⁵⁴ Там же, л. 148–148 об.
- ⁵⁵ Квитка Г. Дворянские выборы, часть вторая, или выбор исправника // Квитка Г. Драматические сочинения. В 2 т. Т. 2. СПб., 1862. С. 134–135.
- ⁵⁶ Литвинова Т.Н. Губернское дворянское собрание и организация сословных выборов в Воронежской губернии (1800–1831 гг.) // Из истории Воронежского края. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 107.
- ⁵⁷ ЦИАМ, ф. 380, оп. 1, д. 75, л. 1–3.
- ⁵⁸ Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 590; Т. 2. С. 501.
- ⁵⁹ Квитка Г. Указ. соч. С. 202.
- ⁶⁰ Селиванов В.В. Сочинения. Т. 2. Владимир, 1902. С. 212.
- ⁶¹ Бикташева А.Н. Губернаторы и дворянство Казанской губернии: уроки конфликтов (первая четверть XIX века) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 56.
- ⁶² Об участии мелкопоместных дворян в «партиях» магнатов см.: Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 433–434.
- ⁶³ Крючков В.В. Дворянские выборы в последней трети XVIII века // Научное наследие академика Л. В. Черепнина и российская история в средние века и новое время во всемирном историческом процессе. Рязань, 2006. С. 108.
- ⁶⁴ Платонова Т.В. Корпоративные органы саратовского дворянского общества в конце XVIII – первой половине XIX века // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 9.